

КРИМИНОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПРОВЕДЕНИИ СОВМЕСТНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ, УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

Г. В. Дашков,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина», кафедра криминологии
и уголовно-исполнительного права, профессор)

В последнее время, в период определенного спада общественной значимости правовой науки, потребность в проведении совместных правовых исследований и разработок стала особенно ощутима. Собственные возможности фактически каждой в отдельности отрасли права, как показывает практика сегодняшнего дня, не позволяют на надлежащем уровне решать задачи, которые сейчас ставятся перед правовой наукой. Это, в частности, касается криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Очевидная их близость по многим параметрам, тем не менее, в должной мере не способствует развитию процессов взаимообогащения этих наук. Например, наш довольно значительный опыт работы в ряде диссертационных советов Российской Федерации (Академии МВД РФ, ВНИИ МВД РФ, НИИ Генеральной Прокуратуры РФ, МГЮА и др.) показывает, что кандидатские, да и докторские диссертации, касающиеся особенной части УК РФ, в основе своей редко касаются криминологических вопросов исследуемых тут преступлений. А уход от таких вопросов абсолютно непродуктивен и для уголовного права, и для криминологии. КПД (коэффициент полезного действия) ограниченных только рамками уголовного права исследований в данном случае реально близок к нулевому показателю.

Так что тут нечего пенять на имеющиеся случаи недостаточного внимания к науке со стороны правоприменителей и законодателей. Мы сами подчас виноваты в падении престижа правовой науки. В качестве иллюстрации этого тезиса возьмем, к примеру, группу преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности). Эти преступления, в большинстве своем, как бы смоделированы в качестве механизма уголовно-правового воздействия на злоупотребления в сфере рыночных правоотношений. Но модель оказалась далеко не идеальной, и в итоге большая часть содержащихся в гл. 22 УК РФ, а таких тут свыше 40, оказалось мертворожденными. Что нужно для того, чтобы разработать предложения по совершенствованию уголовной ответственности за преступления в сфере экономики? Одних словесных и письменных возмущений по поводу неэффективного законодательства тут конечно недостаточно. Нужны действительно комплексные, более того, совместные криминологические и уголовно-правовые исследования с соответствующими взаимоувязанными выводами и предложениями. Что же мы имеем в реальной действительности? Десятки, сотни диссертаций по анализу объективных и субъективных признаков тех или иных

преступлений в сфере экономической деятельности. Что же касается таких к примеру вопросов, почему столь высока латентность этих преступлений; каковы особенности их криминологической характеристики, влияющие на квалификацию преступлений; возможна ли, и насколько целесообразна декриминализация отдельных групп преступлений в сфере экономической деятельности и многое другое. Все подобные «частности», как правило, исключаются из поля зрения исследователя под предлогом, что здесь мол нужны самостоятельные криминологические разработки. В то же время криминологи тоже замыкаются в «своем» круге проблем без выхода на уголовное право, на вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Аналогичным образом ситуация складывается и в отношении многих других преступлений и, в первую очередь, преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина; преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; преступлений против порядка управления.

Еще более остро в сравнении с вопросами взаимодействия уголовного права и криминологии, стоит проблема обеспечения совместных криминологических и уголовно-процессуальных исследований, касающихся, главным образом, общесоциальных проблем этих отраслей права. А таких проблем в нашей стране, по мере развития правового государства, становится все больше и больше.

Одна из них касается казалось бы сугубо узко-процессуального, уголовно-процессуального вопроса совершенствования УПК РФ. Но это не так. Дискуссии, касающиеся проблем УПК, вышли далеко за пределы самой уголовно-процессуальной науки и практики, и причин тому немало. Так, например, уголовно-процессуальный кодекс 2001 года разрабатывался и принимался в довольно сложной, непростой и весьма противоречивой политической, экономической, социальной и правовой обстановках. Именно поэтому, многое здесь является результатом взаимных уступок, а главное — умения противоборствующих сторон найти надлежащую, желаемую для них поддержку у субъектов политической воли. Все эти обстоятельства, вполне

естественно, отрицательно повлияли, а также продолжают влиять и на правотворческую, и на правоприменительную деятельность в современной России. Вопрос не из простых, штопкой тут всех дыр не залатаешь. Существенно исправить имеющиеся тут просчеты, перекосы, устранить многочисленные пробелы одномоментно (силами только специалистов в области уголовного процесса, как это всегда фактически и делается), вряд ли возможно.

Без комплексного многопрофильного подхода (заезженные, но сверхточные для данной ситуации слова) предложить значимые, полезные современному российскому обществу пути совершенствования уголовного процесса — бесполезно. Тем не менее, и в научных разработках, и на практике, и в учебной литературе, которая самым непосредственным образом влияет на эту практику, взаимосвязь уголовного процесса с другими науками, в частности с криминологией, ограничивается отдельными частностями и носит скорее точечный, эпизодический характер. В качестве подтверждения сошлемся на довольно авторитетный учебник «Криминология» под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова (М.: Норма, 2013), где в разделе «Криминология и другие науки» (с. 26–28) применительно связи криминологии с наукой уголовного процесса говорится, что «в уголовно-процессуальном законодательстве содержится прямое предписание: следователь, прокурор, суд обязаны по каждому уголовному делу выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений, и предлагать меры, направленные на их устранение». Абсолютно справедливо, правильно и своевременно, но ограничивать этим тезисом связь криминологии с уголовным процессом, особенно сейчас, по меньшей мере непродуктивно.

Именно поэтому, в целях обеспечения более масштабного, предметного взаимодействия криминологии и уголовного процесса, представляется в данном случае обратиться к отдельным, наиболее значимым и сложным, на наш взгляд, направлениям криминологических исследований и разработок, результаты которых в состоянии оказать положительное влияние и на развитие российской уголовно-процессуальной науки и практики. Одно из таких направлений, как представляется, касается современных правовых проблем реального соблюдения требований Кон-

ституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом. Вопрос этот приобретает все большую значимость и распространенность. Известные не одну сотню лет фольклорные утверждения типа «у сильного всегда бессильный виноват», «тот прав у кого больше прав», «с сильным не борись, а с богатым не судись», находят массу (гораздо больше чем ранее) подтверждений в нашей сегодняшней действительности. И это несмотря на то, что законодательных предпосылок для подобных явлений практически нет. Более того, в Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 19) четко указано, что все равны перед законом и судом. Вместе с тем, такого равенства никогда и нигде не существовало, да и вряд ли оно возможно в обозримом будущем. Причин тому несколько. Одна из них — наличие довольно большего числа законодательно закрепленных изъятий и исключений из принципа равенства всех перед законом и судом. Например, в разделе XVII УПК РФ (ст. 447) определены десять категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. И этот перечень «привелигированных» лиц имеет тенденцию к расширению. Но если, так называемый, правовой иммунитет имеет определенное общественное и правовое положительное значение, второе фактическое изъятие, сводящее к минимуму значимость ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, выражается в юридически не закрепленной, но абсолютно реальной возможности для значительной группы нарушающих закон граждан получить разного рода индальгенции от правового воздействия.

Неблагоприятное, в основе своей, воздействие на развитие общества правового, а особенно противоправного иммунитета, никем в принципе не оспаривается. Но только этого обстоятельства явно недостаточно для разработки, принятия и внедрения в практику соответствующих мер противодействия, сдерживания этих негативных явлений. Здесь нужны более обстоятельные аргументы в пользу сдерживания иммунитетов. А их, как правило, нет. Это особенно ощутимо, когда речь идет о фактической, да и о статистической распространенности применения правового и противоправного иммунитетов, их количественных и качественных характеристиках, причинах, предлагаемых мерах противодействия и сдерживания. Конечно, на этот счет нет четко

выраженного социального заказа на получение подобной информации, а без этого толчка извне в Российской Федерации, по сложившейся здесь традиции, трудно рассчитывать как на само проведение научных исследований, так и на высокое их качество.

В итоге проблема равенства всех перед законом и судом и в теории государства и права, и в конституционном праве, и в административном, и в уголовном праве и процессе, и в криминологии, в лучшем случае лишь упоминается на уровне ссылок на Конституцию и другие законодательные акты без надлежащей детализации и элементов критического анализа. Вместе с тем сложных неоднозначных теоретических и практических вопросов тут гораздо больше, чем бесспорных, всеми разделяемых, поддерживаемых и соблюдаемых положений. Например, многие проблемы в этой части связаны с применением правового иммунитета при совершении его носителем противоправных деяний, не связанных со службой (депутат безнаказанно оскорбляет своих собеседников в эфире, устраивает потасовки, драки с сотрудниками сервисных служб, с журналистами и т. п.).

Проблемы иммунитета, в том смысле как он трактуется в теории конституционного права, имеют существенную уголовно-процессуальную и криминологическую значимость хотя бы по той причине, что сам факт законодательного закрепления в Российской Федерации особых прав и привилегий для отдельных категорий граждан, далеко не всегда и во всех случаях соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности, принципу правового и социального равенства.

И таких проблем, требующих научного осмысления совместно криминологами и процессуалистами, более чем достаточно (регионально-отраслевой аспект проблемы равенства всех перед законом и судом, этническая сторона этого вопроса и др.).

В числе взаимообогащающих и реально осуществимых направлений совместных уголовно-процессуальных и криминологических исследований представляется целесообразным обратить также внимание на имеющиеся в изобилии трудно решаемые на практике вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Эти вопросы, как показывает практика, касаются: основных положений о порядке взаимо-

действия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с конкретными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями (гл. 53 УПК РФ); выдачи лиц для целей уголовного преследования или для исполнения приговора (гл. 54 УПК РФ); передачи лица, осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (гл. 55 УПК РФ). Но приоритетной в плане очередности проведения уголовно-правовых и криминологических исследований, здесь, в нашем представлении, является проблема выдачи лица для целей уголовного преследования или для исполнения приговора. Наглядной тому иллюстрацией является дело Эдварда Сноудена, где заинтересованными сторонами являются России и США, и дело Владислава Баумгертнера, где у России принципиально другая спорящая сторона — Белоруссия. И тем не менее, это и тому подобные обстоятельства остались фактически по ряду позиций вне правового поля, а общий один для всех, правовой подход, как бы привлекательным он не выглядел, во всяком случае в обозримом будущем, обречен на пробуксовку.

Немало пробельных моментов в теории и практике выдачи, устранение которых предполагает проведение междисциплинарных исследований, касается проблем реального обеспечения сочетания интересов государств, причастных к выдаче, с основными правами и свободами выдаваемого лица. К категории практически неисследованных ни в международном праве, ни в уголовном процессе, ни в криминологии относятся и вопросы, касающиеся процессов соотношения политических и правовых составляющих выдачи. В чем криминологическая суть этой проблемы? При всей привлекательности и правильности конечных целей бесспорно длительного процесса «вытеснения» любых, кроме строго закрепленных в законе, механизмов выдачи, в ряде нестандартных ситуаций применение общих для всех правовых норм

может выглядеть и оцениваться в обществе как несправедливое. В отдельных случаях эта несправедливость, к примеру в уголовном праве, нивелируется посредством института помилования. Не исключено, что нечто подобное в принципе возможно и в отношении выдачи, посредством наделения отдельных субъектов политической воли правом «властного усмотрения». Вопрос этот в некоторой степени означающий возврат к далекому прошлому, к временам абсолютной власти монарха, к категории однозначных не относится, но статуса гипотезы будущего научного исследования он, на наш взгляд, вне сомнения, заслуживает.

И еще об одном важном обстоятельстве, касающемся затронутых нами вопросов о роли криминологии в решении задач уголовно-процессуальной науки и практики. Здесь мы, в первую очередь, имеем ввиду вопрос о целесообразности более подробной, чем это делается сейчас, криминологической оценки статистики уголовного судопроизводства. Информационная база для активизации исследований в этом направлении довольно представительна и постоянно расширяется. Это позволяет специалистам в области уголовно-процессуального права в рамках своих сугубо уголовно-процессуальных задач составлять соответствующие аналитические обзоры и выработать предложения и рекомендации. Но этого уровня анализа судебной статистики сейчас явно недостаточно для решения более масштабных задач. Для формирования соответствующих выводов имеющих не только чисто уголовно-процессуальное значение, по меньшей мере необходимо получить также данные: о региональном (не только на уровне округов) аспекте этой проблемы; о категории дел, по которым вынесены оправдательные приговоры; о личности судей, адвокатов, самих оправданных. В рамках чисто уголовно-процессуального анализа эта задача практически не решается и проведение совместных исследований здесь очевидно.